

11 СЕН 1984

Комсомольская правда
г. Москва

● 4 ● «КОМСОМОЛЬСКАЯ

Праздник танца

Заканчиваются дни румынской культуры в СССР, посвященные 40-летию освобождения Румынии от фашистского ига.

Белоснежно — воздушные платья девушек. Строгие костюмы юношей. Очень напевающая, очень ритмичная музыка. Легкие, неожиданно сильные звуки, с какими пуанты опускаются и взлетают, и вновь опускаются, чтобы вновь взлететь... Все — как в балете. И все — как в народном танце.

И костюмы танцующих (взять хотя бы жилеты юношей!), и хореографический рисунок восходят к румынскому фольклору, так же как и неповторимые интонации музыки Джорже Энеску воспеты теми же народными родниками: здесь и стилизованная хора, и вечный язык дойн и баллад, и протяжные лирические песни и плачи, и виртуозные наигрыши и огненные пляски. «Румынская рапсодия» — первая часть «Балетного триптиха», показанного в этот вечер гастрوليрующим у нас лучшим румынским музыкальным театром — «Опера Ромынеэ».

Если говорить об особенностях румынского балета, то в первую очередь это яркость, темпераментность. Эти качества как нельзя лучше могли проявиться и проявились в следующей части «Триптиха» — знаменитом равелевском «Болеро». Отточенный «испанский шаг», сухой перестук каблучков (на сей раз — туфельки, не пуанты), эффектные поддержки, точные глisse... Единственные декорации — задник сцены, представляющий собой светящееся панно, испещренное едва-едва колеблющимися, как звуки музыки, полосами очень красного света. Огненная концовка, может, особенно удавшаяся дирижеру Кристиану Мандеалу, очень пришлась по вкусу зрителям.

— За последние годы наша труппа сильно помолодела, — живо жестикулируя, говорила мне Тильде Урсалу, одна из ведущих балетмейстеров театра. — Наши молодые особенно волновались перед выступлением и очень волновались, когда впервые увидели со сцены этот прославленный зал — зал Большого театра...

У Марии Кумбаре, солистки в «Болеро», были такие глаза...

— Кого Вы считаете своим учителем?

— Я заканчивала ГИТИС, училась у Лавровского. Мы обожаем ваш балет. Это наша школа. Все наши лучшие хореографы, например, Олег Дановский, поставивший, в частности, «Румынскую рапсодию», — все учились у вас.

— В чем Вы видите своеобразие румынского балета?

— Всякая национальность, если речь идет о настоящем вкладе в искусство, привносит свое. Даже в «Лебединое озеро»... У нас — открытая эмоциональность, может, не такая жесткая дисциплина танца, скорее — удовольствие от него...

Вероятно, один из законов искусства состоит в том, что та радость, которую исполнители испытывают на сцене, заражает зрителей, подключает их к действию, заставляет соперничать и в результате получать глубокое эстетическое удовлетворение. Яркая театральность блистательной «Кармен-сюиты» на музыку Бизе — Щедрина, ее, может, особая близость к литературному первоисточнику захватила зал. Румынские хореографы создали здесь свой, пусть не такой строго классический вариант танца, к какому привыкли мы, пусть порой не бесспорный, но свежий, тоже очень образный. Хозе, страж порядка, арестовывает Кармен. Длинные, натянутые построжки, которыми он удерживает ее, символизируют ее заключение, его, стражника, власть над нею. Но вот Кармен (Аурора Ротару) начинает танцевать: несколько гордых, «карменовских» движений, и вот уже сам Хозе с ног до головы опутан теми же построжками, на сей раз символизирующими чары Кармен, и, свободная, торжествующая, она целует его, «опутанного» ею...

Таких находок у «Опера Ромынеэ» немало, и эти находки, и общий творческий настрой труппы обеспечили ей тот успех, за которым стоят живой интерес и внимание зрителей,

С. ВИШНЕВСКАЯ.